

Пэй Чоу однажды, проходя мимо чайной, увидел, как несколько даосов собрались вместе. Один из них закатал левый рукав, обнажив половину плеча, поднял коробку с игральными костями и стал трясти её в воздухе влево-вправо, вверх-вниз, нашептывая что-то.

Он говорил:

— Великий Вышний, Звезда, не прекращай трансформаций, Девятинебельный Воплощенный Юань, Громогласный Всеобъемлющий Небесный Владыка, поспеши по закону приказа, Громовой Предок, защити меня, большой! Большой! БОЛЬШОЙ!

Пэй Чоу от этих слов едва не споткнулся.

На днях Сунь Исяо, воспользовавшись отсутствием Чжан Хэншуя, пришёл в Министерство церемоний подкормиться и тоже рассказал, что в винной лавке «Красный терем» в Северном квартале видел множество даосов в синих одеждах, весьма популярных среди девушек. Пэй Чоу долго допытывался, какую же прелестную зазнобу тот ходил навестить, и Сунь Исяо, не доев, покраснел от смущения и сбежал.

Чертог Нефритового Императора наконец-то завершили. В этот день, к счастью, стояла ясная погода, и император Цзинфэн в сопровождении всех чиновников, после проведения ритуала настоятелем храма Хуанцзи, провёл церемонию завершения строительства.

Красный шёлк с крыши чертога спустили, открыв три иероглифа, написанных золотом собственноручно императором.

Ши Гунпин стоял в первых рядах процессии, подхалимски улыбаясь и беспрестанно сыпая льстивыми речами о долголетию и восхождении на небеса. Император Цзинфэн, услышав это, расплылся в радостной улыбке.

В это время Пэй Чоу, стоя в толпе, посмотрел на ступени Чертога Нефритового Императора, и его взгляд задержался на второй ступени.

Это место было немного темнее, но поскольку цвет почти совпадал с исходным цветом мрамора, обычный человек никогда бы не заметил.

Однако Пэй Чоу разглядел: это явно были следы крови, которые невозможно было полностью отмыть, несмотря на бесчисленные попытки.

Похоже, слухи о гибели прораба правдивы, и этот Ши Гунпин изо всех сил пытается скрыть этот факт.

Пэй Чоу покинул дворец как раз перед тем, как ворота должны были закрыться на засов.

Он был погружён в свои мысли, не смотрел под ноги и, не пройдя и нескольких шагов, споткнулся обо что-то и грохнулся.

Пэй Чоу скривился от боли, потирая поясницу, сел и, присмотревшись, понял, что он споткнулся о живого человека.

Тот лежал ничком на земле, безмолвно и недвижимо.

Пэй Чоу встревожился: неужели этот человек умер здесь?

Он поспешно поднялся, чтобы проверить.

Подойдя ближе, Пэй Чоу услышал слабое сопение этого человека и ощутил доносящийся до него запах перегара.

Он сморщил нос, брезгливо помахал рукой, разгоняя запах, и посмотрел на человека в синем одеянии. Неизвестно, из какого храма был этот даос, напился и заснул прямо на дворцовой дороге под открытым небом.

Пэй Чоу поколебался, затем протянул руку и перевернул этого человека на спину.

Увидев, что растрёпанные волосы закрывают ему лицо, Пэй Чоу откинул их.

Это нехитрое действие имело неожиданный эффект: Пэй Чоу, глядя на это лицо, остолбенел.

Старый знакомый.

Его даосское имя — Буэр, родом из Ичжоу, с горы Саньцин, из храма Саньцин — именно там он и проживал, и этот человек был его настоятелем.

Пэй Чоу сжал губы и начал жалеть, что ввязался в это дело.

Но раз уж так вышло, бросить его было нельзя.

Пэй Чоу окликнул его несколько раз:

— Даос? Даос?

Буэр не шелохнулся.

Пэй Чоу решился на более активные действия, с некоторым усилием похлопал его по щеке и продолжил:

— Даос! Просыпайтесь!

Буэр сильно сморщился, сонно открыл глаза; его лицо было слегка красным — то ли от хмеля, то ли от похлопываний Пэй Чоу.

— Даос, вы не там уснули. Здесь много прохожих, как бы они вас не потревожили. Возвращайтесь-ка поскорее к себе.

Буэр громко рыгнул, и запах перегара ударил в нос. Пэй Чоу поспешно прикрыл лицо рукавом.

Увидев, что тот пытается приподнять голову, кряхтит и, кажется, хочет встать, но не может, Пэй Чоу помог ему, поднял и усадил, прислонив к красной дворцовой стене позади.

Буэр открыл заспанные глаза и лишь взглянул на него.

Он снова рыгнул, сильно хлопнул Пэй Чоу по плечу, громко рассмеялся и грубым голосом провозгласил:

— Первый министр Пэй, сколько лет не виделись, а вы, ик, молодеете с каждым днём!

Пэй Чоу просто не нашёлся, что ответить.

— Даос, вы ошиблись.

Вдали он заметил несколько синих фигур, направляющихся в эту сторону, и успокоился. Увидев, что Буэр, кажется, снова засыпает, Пэй Чоу покачал головой и ушёл.

Он не услышал, как Буэр снова рыгнул и произнёс:

— Первый министр Пэй, вы что, забыли? Я ведь людей никогда глазами не разглядываю, ик...

Цинь Янь в последнее время очень часто покидал резиденцию, обычно уходил на рассвете и возвращался глубокой ночью.

Стражи у ворот чувствовали странность, но не смели спрашивать, могли лишь из последних сил бодрствовать и, лишь когда генерал возвращался в резиденцию, украдкой вздремнуть немного.

В этот день Цинь Янь вернулся почти к часу быка. Среди стражей оказался ещё один человек — Цинь Сы.

Встретившись с вопросительным взглядом Цинь Яня, Цинь Сы сказал:

— Господин, герцог просит вас.

Этой ночью луны не было, лишь слабый свет фонарей в коридорах. Цинь Янь шёл неспешно, его профиль в свете фонарей то появлялся, то исчезал, приобретая некий иллюзорный оттенок.

Дойдя до спальни, он ещё не успел переступить порог, как в него полетела чайная чашка.

Цинь Янь даже бровью не повёл, лишь отклонил голову вправо, идеально уклонившись.

В комнате раздался сильный кашель.

Цинь Янь отряхнул капли воды с левого рукава и с достоинством вошёл в комнату, словно только что в него не кидали.

— Ваше здоровье неважно, вам лучше поменьше гневаться.

Кашель с той стороны не прекращался.

Цинь Янь сел за стол, налил чашку зелёного чая, подвинул её на противоположную сторону, а затем уставился на кончик своего носа и замер.

Кашель постепенно стих.

— Щенок! Ты ещё помнишь дорогу домой! Почему не сдох где-нибудь снаружи! Я бы тогда решил, что в роду Цинь нет такого негодного сына!

Цинь Цюань с грохотом выпил ту чашку чая, со стуком поставил её и начал ругаться.

— Меморандумы с обвинениями в твой адрес не прекращаются, ты разве не знаешь? Если бы не опасались отношений с покойным императором, я и эта резиденция герцога давно бы уже погибли из-за тебя!

Цинь Янь промолчал.

— Что, онемел? Говори!

— То, что я скажу, вам опять не понравится.

Цинь Цюань разъярился:

— Повтори-ка!

— Ну вот видите.

Грудь Цинь Цюаня сильно вздымалась, похоже, он был вне себя от гнева.

Цинь Яню пришлось снова налить ему чашку чая.

— В последние дни ты заперся в кабинете и никуда не выходил, а теперь целыми днями пропадаешь где-то. Говори, что ты задумал!

Цинь Янь тихо усмехнулся:

— Разве вы не говорили, что Цинь Сы — это мой внутренний голос? Что, он вам не доложил?

Цинь Цюань нахмурился:

— При чём здесь этот четвёртый малый? Не уводи тему!

Цинь Янь приподнял бровь. Похоже, он зря подозревал Цинь Сы.

— Что я задумал?

Улыбка на губах Цинь Яня стала глубже:

— Я уже рассказывал вам о своих планах пять лет назад. Просто ваша память слишком коротка, и вы забыли.

Цинь Цюань задумался, затем воскликнул:

— Неужели ты всё ещё думаешь о том... Тот человек уже мёртв! Я сам видел, как его хоронили!

Вся осанка Цинь Яня поникла. Он прислонился боком к краю стола, уставился взглядом в пол и замер:

— Да, уже похоронили.

Цинь Цюань сжал губы:

— Чжоу, не надо больше...

— В последнее время я встретил одного человека, очень похожего на него.

Веко Цинь Цюаня дёрнулось.

— Дайте мне ещё немного времени, и я смогу точно убедиться.

Веко Цинь Цюаня задергалось ещё сильнее:

— В чём убедиться?

Цинь Янь поднялся, сделал несколько шагов, отдалившись от света фонаря, и половина его лица скрылась в темноте.

— Убедиться, что он вернулся.

Цинь Цюань вскричал в гневе и изумлении:

— Цинь Хэчжоу! Ты с ума сошёл!

— Разве вы не знаете, в своём ли я уме?

Цинь Янь уже дошёл до двери, но вдруг остановился:

— С того момента, как вы с детства учили меня держаться подальше от двора и армии, а император всё равно силой призвал меня отправиться на северо-запад командовать войсками, я уже перестал быть собой.

Он прикрыл лицо рукой и с горькой усмешкой произнёс:

— Но всё это... Всё это меня не волнует. Я хочу лишь одного этого человека, всего лишь одного. Почему же это так трудно?

Эти слова были обращены к герцогу Динго, но, казалось, он спрашивал и самого себя.

Цинь Янь ушёл.

Герцог Динго, перешагнувший шестидесятилетний рубеж, больше не проронил ни слова, в изнеможении откинувшись на спинку кресла.

Гинкго во дворе Министерства церемоний наконец сбросил и последний лист, превратившись в пищу для озёрных рыб и почвы.

Мгла, окутавшая Ханьцзин, казалось, рассеялась. На улицах и в переулках говорили уже не о первом министре и генерале; дворцовые сплетни и женские интриги вновь стали темой для разговоров жителей Ханьцзина за чаем.

Чжан Хэншуй иногда обсуждал с Пэй Чоу последние события во Внутреннем кабинете.

Император Цзинфэн, похоже, не собирался назначать первого министра, и, полностью погрузившись в поиски бессмертия и обсуждения даосских практик, многие государственные дела он передал в ведение Павильона Лунъюань.

Без сдерживающего влияния Пэй Чоу этот Ши Гунпин стал настоящим тираном. Вместе с другими благородными кланами из Павильона Лунъюань он дни напролёт думал, как проучить партию «Чистого потока» и возродить былую «эпоху расцвета» знатных домов.

Буэр: Хм, передо мной какие маски ни надевай — всё бесполезно!